А. П. ДЕРЕВЯНКО

ХОЗЯЙСТВО И БЫТ ПЛЕМЕН СРЕДНЕГО АМУРА В РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКУЮ ЭПОХУ

Широкие археологические исследования на Востоке нашей страны дали в руки археологов сравнительно большой фактический материал для восстановления быта и хозяйства племен Сибири и Дальнего Востока в тот период, когда у них происходит переход к оседлому образу жизни и складывание производящего хозяйства.

Но не на всей территории этот процесс происходит в одно и то же время. У одних народов Сибири и Дальнего Востока переход к оседлому образу жизни и к производящему хозяйству в конечном счете происходит весьма рано[1]. У других, например, охотников и рыболовов Прибайкалья, полукочевой образ жизни господствует на протяжении тысячелетий[2].

Очень рано перешли к оседлому образу жизни неолитические племена в бассейне Среднего Амура.

В этом отношении наибольший интерес представляет быт и хозяйство племен новопетровской или среднеамурской культуры пластин, которые уже в конце V начале IV тысячелетия перешли к оседлому образу жизни[3].

Раскопки поселений этой культуры в 1961 г. у с. Константиновки и 1962—1964 гг. у с. Новопетровки дали выразитель-

---

[1] А. П. Окладников. Далекое прошлое Приморья, Владивосток, 1959 г.

[2] А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. 1—2. МИА, № 18, М.-Л., 1950, стр. 214—384. Он же. Бронзовый век Прибайкалья, ч. 3. МИА, № 43, М.-Л., 1955 г., стр. 61—344.

[3] А. П. Деревянко. Древние культуры Среднего Амура. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1965, стр. 12.

Его же. Истоки и датировка Новопетровской культуры пластин. Тезисы конференции молодых ученых. Новосибирск, 1966 г.

ный материал для характеристики образа жизни, хозяйства обитателей обоих этих поселений.

Наиболее обширный материал мы имеем по раскопкам у с. Новопетровки, поэтому при характеристике жилищ, образа жизни, хозяйства племен среднеамурской культуры будем опираться, в основном, на факты, полученные при раскопках этого поселения.

Данные, полученные при раскопках поселения каменного века у с. Новопетровки, важны тем, что здесь исследованы были не одиночные жилища, а значительная часть поселка, и межземляночное заполнение.

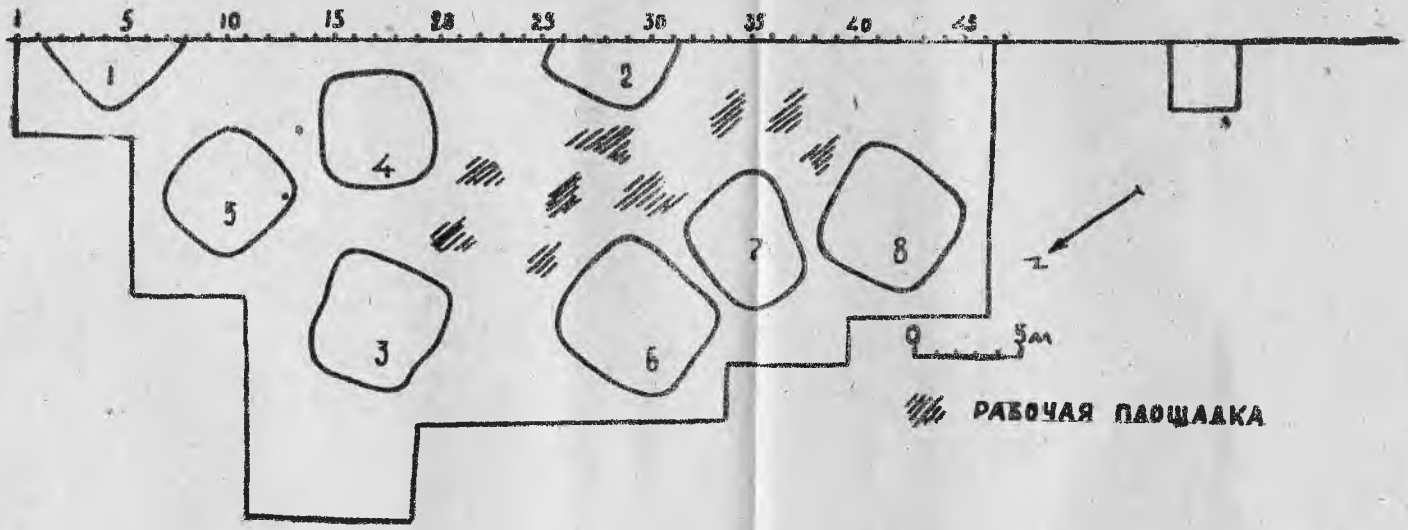
Общая площадь поселения, вскрытая нами в течение 1962—1964 гг., составляет более 1200 м². Площадь раскопанных жилых построек составляет более 900 м².

Поселение у с. Новопетровки располагается на древней, сильно размытой террасе, круто спускающейся к долине р. Дунайки. Терраса сложена из светло-желтых супесей, под которыми располагаются желто-коричневые суглинки, переходящие в мощные напластования коричневых глин. Основание террасы сложено из аллювия и речного песка.

Терраса разделена впадинами глубиной 5—7 метров на несколько мысовидных возвышенностей.

Люди каменного века не случайно выбрали именно эту высокую террасу в двух-трех километрах от реки Амура; ей не грозит разрушительная сила амурских паводков, сильные и частые ветры обдувают мыс и уносят с него полчища гнуса и комаров, этот грозный бог «амурских прерий». Верхние отложения террасы — довольно рыхлая супесь,— позволяли легко выкопать простейшими каменными и костяными орудиями котлованы для жилищ, дождевая и снеговая вода быстро поглощалась песчаной почвой или стекала вниз, в долину речки Дунайки.

Поселок имел своеобразную и характерную планировку (рис. 1). Жилища располагались на самом краю речной террасы. Поэтому некоторые из них, например, шестое, начали уже оплывать вниз под обрыв. Восьмое жилище оказалось последним в южной части поселка, хотя культурный слой продолжался до пикета 60. В северной части террасы точно проследить границу поселка не удалось, так как культурный слой продолжается до жилища, раскопанного в 1962 г., т. е. примерно на 2 км. У нас нет пока данных, на всем ли протяжении террасы располагаются жилища, так как большая ее часть занята дубовой рощей.



Новопетровка, общий план поселени

Рис. 1. Общий план неолетического поселения.

Несомненно, что первые восемь жилищ, раскопанных в 1964 г., составляли один поселок.

Девятое жилище и жилище, раскопанное в 1962 г., возможно, составляли второй поселок. Между этими двумя жилищами удалось проследить шурфовкой наличие, по крайней мере, еще трех жилищ.

Большая часть жилищ (1, 5, 6, 7, 8) была ориентирована с запада на восток. Третье жилище и, возможно, второе ориентированы с юга на запад.

От жилищ сохранились только впущенные в материковый слой песка неглубокие котлованы от 0,4 до 0,7 м. Надземные части жилых построек, естественно, не сохранились, и о характере конструкций домов можно судить только по расположению ям от столбиков и очагов. Ямы от столбиков располагались в большинстве случаев у стен жилищ по всему краю котлована на различном расстоянии друг от друга. Часто ямы от столбиков располагались у самых стен вплотную примыкая к ним. Второй ряд ям от столбиков располагается вокруг очага, образуя овал диаметром 1,5—2 м (рис. 2).

Ямки от столбиков у центра жилища, как правило, имеют большую глубину и диаметр, т. е. это были центральные опорные столбы, поддерживающие крышу.

Наличие котлована свидетельствует о том, что это была скорее всего полуземлянка. Несмотря на то, что котлован был сравнительно неглубокий, зимой во время метелей он играл немалую роль, т. к. столбы вкапывались непосредственно в котловане, и весь каркас, по-видимому, надежно покрывался снаружи землей. Поэтому холодный ветер не мог проникать в помещение с пола.

Жилища, типа полуземлянок, прослеживаются у народов, населяющих Амур, начиная с каменного века и доживают до недавнего времени. Это объясняется сравнительно холодными зимами и сильными снежными метелями.

Л. И. Шренк писал о наземном каркасном жилище: «Такие наружные стены и большие окна китайской юрты недостаточно защищают ее от морозов и снежных метелей. Сквозь них сильно дует, местами пробивается иней и даже образуются ледяные налеты. Еще более дует с полу, так как дверь выходит прямо на воздух, а не в промежуточный крытый проход, как в подземных юртах»[1].

---

[1] Л. И. Шренк. Об инородцах Амурского края, СПб, т. 2, 1903, стр. 19.

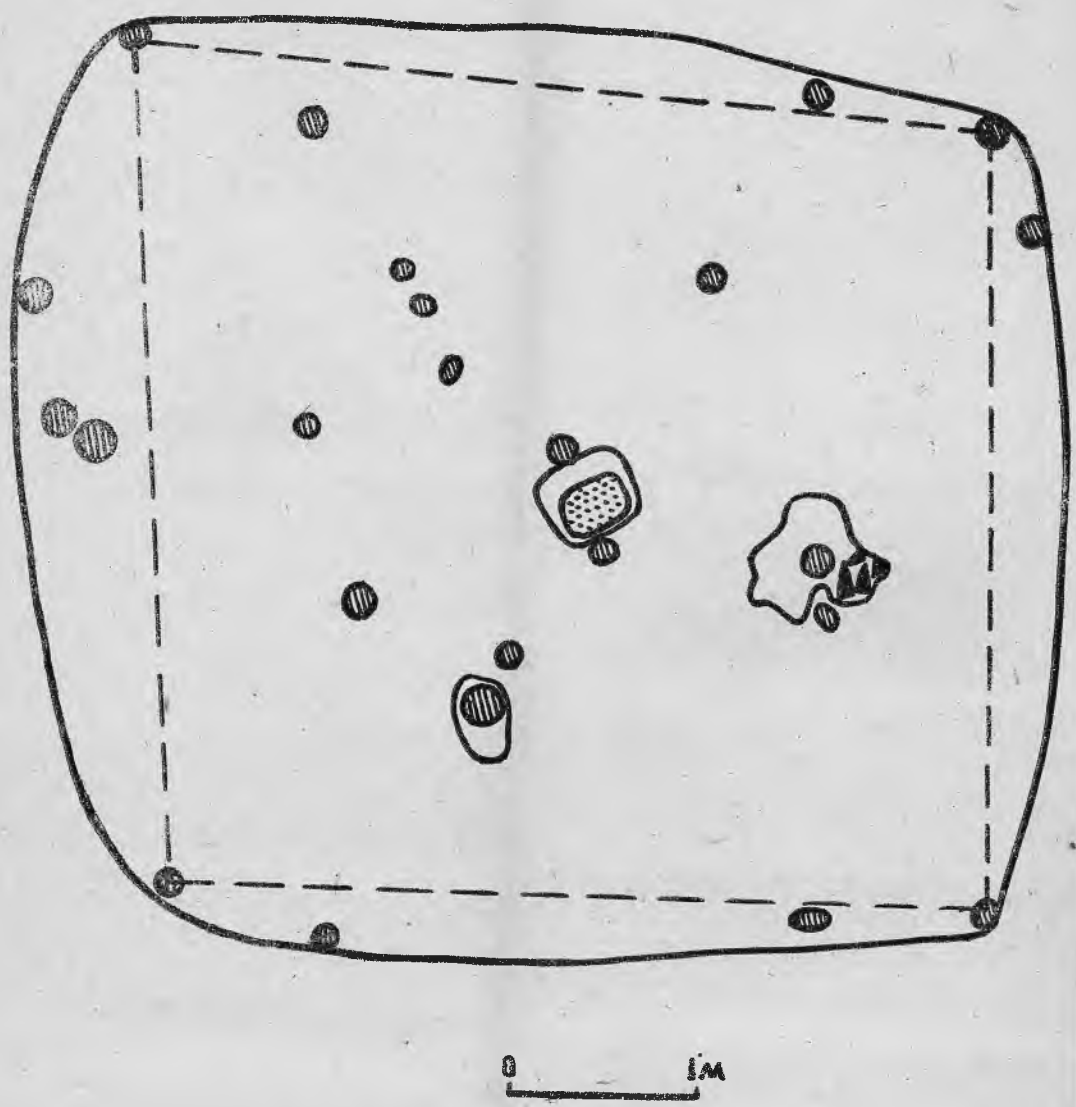


Рис. 2. План пятого жилища.

В жилищах неолитического поселения у с. Новопетровки ямки от столбиков располагались двумя замкнутыми рядами. Первый ряд ямок от столбиков прослеживался почти у самых стен котлована жилища. Столбики этого ряда, по-видимому, поддерживали земляные стенки котлована и одновременно являлись опорами для внешней рамы, в которой крепились нижними концами балки перекрытия. Верхние концы балок перекрытия крепились ко второй внутренней раме, опорами для которой служили столбики, расположенные вокруг очага.

Снаружи стены и крышу покрывали, должно быть, для большей плотности травой, возможно даже и берестой, и все это тщательно засыпалось землей.

Ни в одном из жилищ не было обнаружено входа. По-видимому, входом в жилищах такого типа служило отверстие для выхода дыма. У народов, населяющих берега Амура и весь Северо-Восток, дымовое отверстие долгое время служило одновременно и входом в жилище.

Так, например, в языке гиляков понятие войти в дом передается «спуститься», а «выйти» словом «подняться». У нивхов, по словам Л. Я. Штернберга, во время медвежьего праздника существовал обряд внесения и вынесения медвежьего мяса и костей через дымовое отверстие: «Когда оживают из тьмы тысячелетий отдаленнейшие отголоски глубочайшей древности, когда с благоговейной строгостью соблюдается ритуал, не изменившийся в течение десятков веков, снова возрождается и воспоминание о дымовом отверстии, заменившем дверь. Именно через это отверстие по специально вставленному шесту спускались в юрту со шкурой и мясом убитого медведя. И тем же путем выносили из юрты все ритуальные принадлежности, а также кости медведя для похорон в медвежьем срубе»[1].

В целом жилища, раскопанные в Новопетровском поселении, близки по конструкции и внутреннему устройству к жилищам народов, населяющих низовья Амура. Так, например, наиболее древним видом жилища у нивхов была полуземлянка — то-рыв.

По описанию Таксами полуземлянка то-рыв снаружи имела сферическую форму и была похожа на небольшой земляной бугор. Зимой, занесенная снегом, она представлялась снежным холмом с верхушкой, почерневшей от проходящего

[1] Л. Я. Штенберг. Гиляки. Сб. «Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Статьи и материалы», Хабаровск, 1933, стр. 17.

Заказ 1290

сквозь него дыма». Состояла она из жилого помещения и длинного пристроенного входного прохода. Полуземлянки имели внутри квадратную форму и были довольно большие по размеру. Основание полуземлянки составляла квадратная яма со стороной 7,5 или 8,5 м при глубине 90—110 см. Стенки ямы обшивали пластиной или накатником, скошенные концы которых пропускали в пазы столбов, поставленных в углах ямы и вдоль стен. Встречались, но редко, полуземлянки без обшивки, со стенками, обмазанными глиной.

В середине ямы на расстоянии 2,5 м от стен ставили четыре вертикальных столба из лиственниц, каждый высотой 2,8—3 м. На верхние концы столбов клали бересту для того, чтобы лежащая на них обвязка (рама) не скользила. Обвязка состояла из двух продольных и двух поперечных бревен. Концы бревен связывали при помощи врубки «в полдерево», и они представляли как бы раму на столбах.

К четырем сторонам той рамы наклонно приставляли круглые жерди крыши. Нижние концы жердей ставились наклонно, отступая от верхнего края прямоугольной ямы на 50—70 см, а верхние концы их выступали над бревнами обвязки, но не перекрещивались, а оставляли отверстие размером в 1 м², которое со всех сторон обшивали досками. Это отверстие и служило для выхода из жилища дыма, а также для пропуска света [1].

Такими же были древние полуподземные жилища древних коряков, описанные В. И. Иохельсоном.

Орочи крышу жилищ покрывали еловой корой, на которую сверху накладывали толстые жерди. В холодные зимы орочи утепляли свои жилища снаружи соломой и присыпали снегом.

Очаги, встреченные при раскопках неолитических жилищ в Новопетровке, двух типов. В четвером, шестом, пятом (рис. 3) жилищах очаги были сравнительно небольших размеров и, по-видимому, имели (например, в четвертом жилище) деревянную обкладку, обмазанную глиной. В других жилищах зола и прокаленный песок располагались на относительно большой площади, на двух-трех квадратных метрах. Вокруг этих очагов встречалось большое число полурастрескавшихся обожженных кварцитовых галек. Отдельные скопления

[1] Ч. М. Таксами. Селения, жилье и хозяйственные постройки нанайцев Амура, Сибирский этнографический сборник, М.-Л., 1961, т. 1, стр. 111—112.

Рис. 3. План очагов и скоплений каменного инвентаря из жилища № 8.

божженных галек встречались во всех жилищах. Это связа-
о, очевидно, с особым способом приготовления древними
битателями поселка пищи[1]. Такой способ приготовления
щи прослеживается еще в верхнем палеолите.

О применении человеком камней для приготовления пищи
древнекаменном веке писал, например, Мовиус: «При рас-

[1] В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток, «Наука», М.-Л.,
64, стр. 32.

копках поселения верхнего палеолита в местечке Лез-Эйзи в департаменте Дордонь, датированного радиокарбоном 23—20 тысячелетием, во внешнем по отношению к культурному слою материале была выделена большая серия обкатанных речных галек (кварц, кварцит, гранит, гнейс, сланец, базальт и т. д.). В большинстве случаев они были потрескавшиеся от жара. Камни были собраны в долине и принесены под навес его доисторическими обитателями, вместе с большими кусками каолиновой глины, которой нет на этом поселении, но она встречается в районе Лез-Эйзи. Назначение глины остается неизвестно. Что же касается речных галек, то очень возможно, что они применялись в связи с приготовлением пищи».

Применение раскаленных камней для варки пищи находит подтверждение и в этнографии. Например, Стеллер и Крашенинников, говоря о способах приготовления пищи у древних камчадалов, упоминают о кипячении воды только в деревянных квашнях опускавшимися туда раскаленными до красна камнями, и нигде у этих авторов не говорится о применении для этих целей глиняной посуды [1].

Р. Тории пишет, что сахалинские айносы делали горшки из глины и в то же время употребляли выдолбленные пни, чтобы варить мясо и рыбу в воде, нагретой раскаленными камнями. Он пишет то же самое о курильских айнах. Передвигаясь с острова на остров для рыбной ловли и охоты, они не могли брать с собой ломкую глиняную посуду и поэтому варили свою пищу в выдолбленных пнях, наливая туда воду и спуская в нее раскаленные камни. Приготовление пищи при помощи раскаленных камней не являлось единственным способом, который применялся обитателями неолитического поселения у с. Новопетровки. Наличие очага и глиняной посуды не исключает кроме описанных выше, и обычного для нас способа приготовления пищи.

В Новопетровке также встречены, например, в восьмом жилище и двойные очаги. Очаг из восьмого жилища состоял из двух линз хорошо прокаленного песка с примесью золы и мелких угольков (рис. 3). Нижний очаг был больше диаметром, чем верхний. Между очагами была прослойка светлой супеси. Это свидетельствует о том, что люди некоторое время не жили в этом жилище. За это время и образовался слой супеси, который перекрыл первый очаг. Позднее, возможно и

[1] С. П. Крашенинников. «Описание земли Камчатки», СПб, 1819.

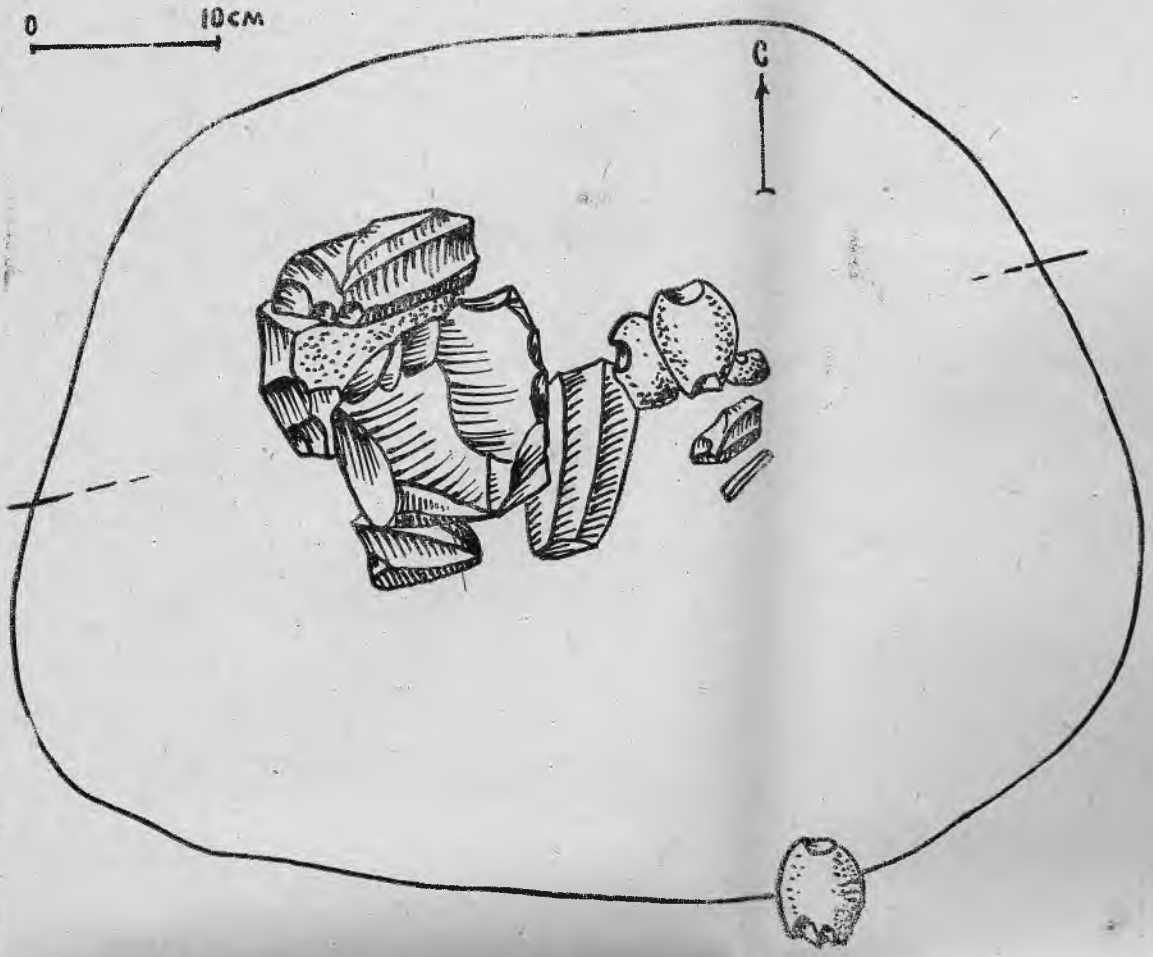


Рис. 4. Клад нуклеусов из жилища № 2

емонта жилища, люди снова пришли в него. Второй очаг был меньшего диаметра. Вокруг него располагалось несколько скоплений каменного инвентаря: отщепы, ножевидные пластины, нуклеусы, готовые орудия труда. По-видимому, у очагов были рабочие площадки мастеров по изготовлению каменных орудий.

С двух сторон почти вплотную к очагам примыкали две ямы для столбиков. Столбики, вероятно, служили для подвешивания сосудов при приготовлении пищи.

Хозяйственных ям при раскопках жилищ каменного века у с. Новопетровки было обнаружено сравнительно немного. Большая часть служила, по-видимому, для хранения глины, так как они полностью были ею забиты.

Почти в каждом жилище в специальных ямах-хранилищах были обнаружены клады нуклеусов, грузил или вообще скопления каменного инвентаря, состоящие из ножевидных пластин, отщепов, готовых изделий, заготовок. Так, например, в первом жилище был обнаружен клад, состоящий из восьми превосходно обработанных нуклеусов (рис. 4). Некоторые из них были только подготовлены к дальнейшей обработке. В третьем жилище под полом в специально вырытой яме был обнаружен клад, состоящий из 32 грузил для сетей. В восьмом жилище также под полом в специально вырытом хранилище обнаружен клад, состоящий из шести нуклеусов и четырех грузил для сетей (рис. 5).

Хозяйственных ям с остатками пищевых запасов обнаружить не удалось.

Летом большую часть своего времени обитатели Новопетровского поселка проводили, по-видимому, вне жилища.

Раскопки междужилищного заполнения позволили полнее представить жизнь обитателей поселка в целом. Почти у каждого жилища встречались скопления каменных орудий, наковальни, нуклеусы. Это были рабочие места мастеров по изготовлению каменных орудий.

Особый интерес представляют два округлых углубления диаметром 3 и 3,5 м, обнаруженные в центре поселка. (См. общий план рис. 1, № 9, № 10). Большая часть пола этих ям была сильно прокалена. Под прокаленной супесью были обнаружены по четыре ямки от столбиков.

Судя по незначительности размеров котлованов и малочисленности ямок от столбов, это были, по-видимому, навесы, в которых обитатели поселка коптили и вялили рыбу. Зимой же они могли служить в качестве кладовых.

Подтверждением этому служит тот факт, что в жилищах, как уже говорилось выше, ям для хранения запасов не обнаружено. В таком случае это были коптильни и хранилища уже не одной семьи, а трех, четырех семей, так как на восемь раскопанных жилищ приходится всего два таких сооружения. Л. Я. Штернберг, например, писал, что «...наловленная и вывяленная на солнце рыба десятками тысяч штук складывается в свайные амбары и в буквальном смысле слова заменяет гиляку хлеб в течение долгой зимы»[1].

Судя по мощности культурного слоя, в Новопетровском поселении довольно продолжительное время оседло жил большой коллектив. Оседлость жизни — одна из основных особенностей, отличительных черт обитателей неолитических поселений в Новопетровке и Константиновке от неолитических племен Восточной Сибири, которые долгое время вели кочевой и полукочевой образ жизни.

Это объяснялось тем, что основным занятием последних была охота, требовавшая непрерывных перемещений с места на место в поисках пищи, так как один небольшой район не в состоянии был прокормить большой охотничий коллектив[2].

В отличие от племен Восточной Сибири народы Дальнего Востока рано перешли к оседлому образу жизни. «Это был мир оседлых людей, живущих в отличие от бродячих прибайкальских соседей и племен Монголии настоящими деревнями, в прочных постоянных жилищах типа полуземлянок»[3].

Экономической основой оседлого образа жизни племен, обитавших в бассейне Среднего Амура, явилось также как в Приморье и на Нижнем Урале — рыболовство. Многочисленные малые и крупные реки, впадающие в Амур, и озера были богаты рыбой. Особенно большое значение для экономики народов, обитавших на Нижнем и Среднем Амуре, имел массовый ход рыбы во время нереста. Вот, например, как описывает известный путешественник и исследователь Дальнего Востока В. К. Арсеньев ход кеты: «Мы попали на р. Тетюхе в то время, когда кета шла из моря в реки метать икру. Представьте себе тысячи тысяч рыб от 3 до 5 кг весом, наводняю-

---

[1] Л. Я. Штернберг, ук. соч. стр. 26.

[2] А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья ч. 1—2, МИА, № 18, 1950.

[3] А. П. Окладников. Основные проблемы древней истории Дальнего Востока, Тезисы докладов и сообщений третьей Дальневосточной конференции по истории и этнографии. Комсомольск-на-Амуре, 1962, стр. 7.

щих реку и стремящихся вверх к порогам... Сверху, с высоты речных террас, видно было все, что делалось в воде. Рыбы было много, что местами в ней совершенно не было видно дна реки»[1]. Естественно, что «одна неделя такой рыболовной «страды» могла обеспечить пищевыми запасами род или даже племя на всю зиму»[2].

О большом значении рыболовства в хозяйстве обитателей поселения в Новопетровке свидетельствуют рыболовные грузила, встречающиеся на поселении в большом количестве. Грузила в жилищах и междужилищном заполнении встречаются как одиночно, так и скоплениями. Несомненный интерес, в связи с этим, представляет собой клад грузил, встреченных в третьем жилище. Грузила были положены здесь в специально вырытую ямку под полом жилища.

Количество найденных на поселении грузил, их размеры позволяют говорить о наличии у новопетровцев сетей, как одного из основных орудий рыболовства того времени.

В Прибайкалье рыболовная сеть тоже появляется в неолите, в серовское время. Доказательством ее существования являются каменные грузики простейшего типа в виде небольших овальных галек с выбоинами по бокам[3].

Сети изготовлялись, по-видимому, из крапивы. И. А. Лопатин пишет, что у гольдов: «веревки и нитки для рыболовства изготовлялись сами. Не только где-нибудь в отдаленных от русских селений стойбищах, но даже в непосредственной близости города, до того это производство стоит у них на значительной высоте и качество веревок вполне отвечает требованиям.

Материалом для изготовления веревок служит не лен и конопля, которых гольды совершенно не знают, а дикая крапива. Осенью гольдячки ножом срезают уже засохшую крапиву и складывают в кучки сушить. Зимой же или весною на досуге гольдячки или старики выбирают из сухих стебельков крапивы волокна. Для этого стебелек с вершинки надламывают и раздирают вдоль на две части, а потом ловким движением пальцев ухватывают и выдирают волокна... Уже изготовленные нити и тонкие веревки гольды варят для мягкости в воде, а только что связанные рыболовные сети мочат в свежей

---

[1] В. К. Арсеньев. В дебрях Уссурийского края, Хабаровск, 1938, стр. 284.

[2] А. П. Окладников. Основные проблемы..., стр. 7.

[3] А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, МИА, № 28, М.-Л., 1950, стр. 262.

крови убитых зверей. Кровь впитывается в нитки и делает их хотя не очень гибкими, но зато прочными и предохраняет их от гниения»[1].

Таким же способом изготовления из крапивы нитей и плетения из них сетей пользовались, по-видимому, и обитатели Новопетровского поселения. Крапива на Среднем и Нижнем Амуре являлась единственным возможным пригодным материалом для этих целей, т. к. ни дикого льна, ни конопли в этих местах не произрастает. Более того, интересно, что исследователей XVIII—XIX вв. поражало, что у многих народов Сибири и Дальнего Востока текстильные изделия, сети, изготовленные из крапивы, долгое время конкурировали с привозными русскими текстильными материалами[2].

О размерах сети можно судить на основании грузил, встреченных на поселении. Наряду с обыкновенными небольшими гальками с выемками, предназначавшимися для небольших сетей, при раскопках поселения встречено несколько массивных грузил, из которых наибольший интерес представляет грузило из девятого жилища. Оно тщательно оббито со всех сторон и имеет округлую форму. В центре грузила просверлено биконическое отверстие и в верхней части с каждой стороны вышлифованы желобки для лучшего крепления. Вес этого грузила около 2 кг, а специальное отверстие для крепления свидетельствует о том, что оно употреблялось для большой сети, возможно для невода.

Из крапивы могли изготовляться и ловушки типа вентеря. Летом и весной, особенно во время спада воды, можно видеть, как нанайцы ставят такие ловушки в руслах небольших ручьев. Рыба, скатывающаяся обратно в Амур, попадает в них в большом количестве.

Несмотря на то, что в поселении не было встречено крючков, они, по-видимому, также применялись для ловли рыбы в весеннее и летнее время.

Широко распространен у жителей Амура до настоящего времени подледный лов. Массовый лов рыбы под льдом на Среднем Амуре происходит в конце октября-ноября, когда

---

[1] И. А. Лопатин. Гольды, Владивосток, 1922, стр. 140.

С. П. Крашенинников. Описание камчатского народа. Архив п. 1869, СПб, стр. 476.

П. Третьяков. Туруханский край, его природа и жители. ЗРГО, П. 1869, СПб, стр. 476.

[2] С. И. Браиловский. Тазы и удэге. Живая старина. 1901, I, III—IV, стр. 339, 343.

вода в реках только начинает замерзать и рыба в большом количестве поднимается в верхние слои воды, обогащенные кислородом. Рыбаки бьют по тонкому льду на месте скопления рыбы орудием, изготовленным из дерева и напоминающим молот. Оглушенную рыбу через небольшую лунку прямо руками вытаскивают на поверхность. Нанайцы и некоторые другие народы Нижнего Амура не прекращают рыболовство круглую зиму и крючковой снастью. Напротив своих жилищ они делают прорубь и острогой или крючками добывают щуку, краснопера, ленка.

Но рыболовство зимой носило, по всей вероятности, частный, эпизодический характер. Основой же питания зимой была заготовлена на зиму рыба и продукты охоты. В связи с этим особый интерес представляют два небольших сооружения, встреченные при раскопках поселения.

В этих сооружениях, как уже говорилось выше, могли летом и осенью коптить и вялить рыбу, а также хранить ее зимой.

Кроме рыбной ловли обитатели Новопетровского поселения занимались, несомненно, охотой и собирательством.

На Новопетровском поселении из орудий охоты были встречены наконечники стрел, дротики, скребки для обработки шкур животных.

При рассмотрении погребального инвентаря исаковского этапа прибайкальского неолита А. П. Окладников в первую очередь отмечал наличие крупных и каменных наконечников ножей, предназначавшихся в условиях тайги для охоты на крупных зверей[1]. Нечто такое же было, видимо, и у племен Среднего Амура.

В деталях, однако, охотничий каменный инвентарь новопетровцев существенно отличается от вооружения охотников Прибайкалья. В то же время обнаруживается близость этого инвентаря к охотничьему вооружению племен Забайкальского и Верхнего Амура.

Об этом свидетельствуют, например, находки в Шилкинской пещере[2].

Наиболее распространенными орудиями охоты у жителей последней были наконечники стрел треугольных и подтреугольных очертаний, «даурские острия». Встречен также кос-

---

[1] А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век... стр. 266.

[2] А. П. Окладников. Шилкинская пещера—памятник древней культуры верховьев Амура, МИА, № 86, 1960, М.-Л., стр. 9—72.

тяной наконечник копья и один каменный наконечник дротика.

В новопетровском поселении, также как и в Шилкинской пещере, наблюдаются мелкие каменные орудия охотничьего промысла: изящно оформленные мелкой ретушью наконечники стрел иволистной формы, небольшие острия, которые могли употребляться в качестве наконечников дротиков.

Ни в Шилкинской пещере, ни в Новопетровке не встречено ни одного массивного наконечника копья, характерного для Прибайкалья.

В связи с этим необходимо отметить характер фаунистических остатков, встреченных в Шилкинской пещере.

Из двадцати одного вида животных наибольшее количество приходится здесь на грызунов и мелких хищников. Таковы соболь, хорек, ласка, белка, заяц, мышь, сурок [1].

Этот факт свидетельствует о том, что охота в степных и лесостепных зонах велась, главным образом, на мелких животных и птиц.

На таких же мелких животных, а также на водоплавающую дичь охотились обитатели новопетровского поселения.

Собирательство у народов Амура не было широко развито. Это объясняется небольшим ассортиментом съедобных трав и растений. Произрастающие в Приамурье травы пригодны, в основном, лишь как приправа к пище, например, дикий чеснок, лук, папоротник, щавель [2]. Съедобные корни вообще редки. Несомненно, осенью и летом новопетровцы производили сбор ореха-лещины, маньчжурского ореха, кедрового ореха, различных ягод и грибов. Но собирательство не могло ни в какой мере полностью удовлетворить потребности человеческого коллектива в пище.

О наличии земледелия у обитателей новопетровского поселения могли бы свидетельствовать несколько орудий, напоминающих мотыги. Но это единственные орудия, которые так или иначе пригодны для обработки земли. Ни зернотерок, ни курантов на поселении не обнаружено. Отсюда следует, что новопетровцы еще не знали земледелия. Орудия же типа мотыг употреблялись, очевидно, для рытья котлованов жилищ, ямок для столбиков и других земляных работ.

Скотоводство также, как и земледелие, появилось у народов Среднего Амура в более позднее время.

---

[1] А. П. Окладников. Шилкинская пещера..., стр. 68.

[2] И. А. Лопатин. ук. соч., стр. 137.

Хозяйство новопетровцев, судя по остаткам каменного инвентаря, носило, таким образом, присваивающий характер. Основными их занятиями были рыболовство и охота.

О преобладающем значении какого-то отдельного вида хозяйства у новопетровцев говорить трудно, но, обращаясь к этнографии, можно представить в общих чертах их хозяйственную деятельность.

Так, например, «гольды, не смотря на свою определенную склонность к охоте, все-таки еще должны быть названы народом рыболовческим. Мужское население их, правда, большую часть года проводит на охоте. Но они имеют постоянные жилища по Амуру, Уссурии и по правым притокам этих рек, и рыбная ловля все-таки еще является основным началом их существования.

У орочей дело обстоит иначе. В их жизни охота составляла преобладающую черту, а рыболовство по сравнению с ней отодвигается на задний план. Они только малую часть года проводят в своих палаткообразных жилищах на морском берегу в устье рек при заготовле рыбных запасов и в тюленьем промысле. Большую часть года, с первого снега и по самое лето, орочи ведут жизнь охотничьих кочевников. Они скитаются по речным долинам, по лесам, на скатах приамурских гор, а где случится, раскидывают палатки для временного пребывания своего, в одиночку или с семьей»[1]. Такой быт охотников-полукочевников наблюдался до советской власти у ороков-удэ, ороченов[2] и некоторых других народов.

У обитателей Новопетровки и Константиновки образ жизни, по-видимому, был такой же, как и у нанайцев, т. е. женщины, дети и старики жили оседло, тогда как охотники-мужчины зимой значительную часть времени проводили на охоте.

Несмотря на то, что хозяйство племен новопетровской культуры оставалось присваивающим, они в отличие от неолитических племен Восточной Сибири и Якутии вели оседлый образ жизни, что, по-видимому, явилось важным моментом при переходе к производящему хозяйству. Неслучайно, что у потомков новопетровцев — племен осиноозерской культуры развивается земледелие, сыгравшее несомненно важную роль для дальнейшего прогрессивного развития хозяйства неолитических племен в бассейне Среднего Амура[3].

---

[1] Л. Шренк. Об инородцах Амурского края, т. 2, СПб, стр. 219—277.

[2] Орлов. Баунтовские и ангарские бродячие тунгусы. Вестник РГО, СП, 1837.

[3] А. П. Деревянко. Автореферат диссертации..., стр. 11.